

Завершающий этап Второй мировой войны. Тегеран — Ялта — Потсдам

А. Ю. Борисов*

Три конференции союзников по антигитлеровской коалиции в годы второй мировой войны или, как их тогда называли, встречи «большой тройки» руководителей СССР, США и Великобритании занимают особое место в истории международных отношений XX века. Говоря сегодняшним языком, итоги этих саммитов явились торжеством здравого смысла и самосохранения народов над идеологическими предвзятостями и предубеждениями и во многом обеспечили дипломатическую поддержку военных усилий союзников в борьбе с фашизмом.

Можно сказать, что вторая мировая война велась как на фронте военном, так и на фронте дипломатическом и от взаимодействия и координации этих фронтов во многом зависели исход войны и сроки победы над державами «оси». Не случайно, мало кто из последующих историков ставил под сомнение эффективность военного сотрудничества союзников, ярко проявившегося на конференциях в Тегеране (1943 г.), в Крыму и в Потсдаме (1945 г.)

Сложнее всегда обстояло дело с оценкой итогов встреч на высшем уровне военного времени для послевоенного мироустройства, для последующего развития международных отношений. Казалось, по мере хода послевоенной истории и вступления мира в новый этап своего развития острота дискуссий будет затухать, но на самом деле годы после окончания «холодной войны» были отмечены новым всплеском научных и околонучных споров.

Более того, произошла невиданная политизация проблем Второй мировой войны и под влиянием итогов войны «холодной», завершившейся распадом СССР и крушением коммунистической системы, была предпринята отчаянная попытка ревизии истории Второй мировой войны, не имевшая аналогов даже в самое мрачное время противостояния двух систем и затронувшая прежде всего межсоюзнические договорённости для послевоенного мира.

По сути дела эта попытка равнозначна реваншу наследников сил, проигравших войну и их сподвижников-коллорационистов, подкреплённая вполне конкретными соображениями получения материальной выгоды за «советскую оккупацию», как стали именовать освободительную миссию Советского Союза в странах Балтии, на Украине и в некоторых странах Восточной Европы.

Примазавшиеся к победителям в «холодной войне» круги попробовали заново интерпретировать основные события Второй мировой войны и прежде всего её политические последствия, не брезгуя откровенной фальсификацией истории. В этом политически востребованном контексте решения Тегерана — Ялты — Потсдама стали выглядеть не как договорённости, заложившие фундамент послевоенного мира, а как проложившие путь «холодной войне» с вполне осязаемым подтекстом остерегаться сотрудничества с наследником СССР — сегодняшней Россией.

Отсюда важно учитывать не только историческую составляющую событий прошлого и вполне понятное желание не допустить их ложного прочтения и искажения, но и присутствующую при этом политическую целесообразность, требующую объективного взгляда на историю межсоюзнических конференций и тщательное воссоздание той атмосферы, в которой они проходили. Уроки истории должны учить, а не вводить в заблуждение потомков.

Итак, три конференции были связаны единым смыслом, как не сомневались их участники, — выиграть войну и заложить прочный мир для будущих поколений. При этом никто не отменял нередко принципиальные различия в национальных интересах сторон, которые тогда порой именовали классовыми, различный взгляд на послевоенный мир, соображения собственной выгоды и т.д. Удивительно, что, несмотря на всё это, участникам переговоров всё-таки удавалось приходиться к «общему знаменателю».

---

* Александр Юрьевич Борисов — профессор, доктор исторических наук.

Вполне вероятно, что руководителям государств с различными идеологическими системами — президенту США Рузвельту, главе Советского правительства Сталину и премьер-министру Великобритании Черчиллю трудности сегодняшних политиков показались бы сущими пустяками.

Начало, положенное в Тегеране

Тегеранская конференция — первая из числа встреч «большой тройки», состоявшаяся 28 ноября — 1 декабря 1943 г., вошла в историю не только принятыми военными решениями и прежде всего твёрдыми обязательствами западных союзников в отношении открытия Второго фронта, но и тем, что ее участники, прежде всего Рузвельт и Сталин, обменялись взглядами по ряду важных послевоенных проблем. Чувствовалось, что «вопрос о будущем устройстве мира», как говорил Рузвельт, занимал все его мысли. Ему большей частью и принадлежала инициатива в их постановке. Глава советской делегации, проявляя известную сдержанность на том этапе — война была еще в полном разгаре, — тем не менее не отказывался обсуждать эти вопросы в предварительном порядке. Советская делегация в Тегеране получила достаточно полное представление о позиции Соединенных Штатов на послевоенное время.

Вырисовывалась значительная область советско-американского согласия. По ряду ключевых политических проблем позиции СССР и США были близки или совпадали. Это касалось вопросов создания международной организации, учреждения механизма опеки или попечительства, разоружения побежденных государств, коллективной безопасности, предотвращения новой агрессии и др. В то же время стороны разошлись в отношении будущего Германии. Советская сторона не поддержала американских планов ее расчленения, выдвигавшихся госсекретарём США К. Хэллом еще на Московской конференции министров иностранных дел (октябрь 1943 г.), считая, что этот вопрос нуждается в более глубоком изучении.

Обозначились также реальные контуры развития делового сотрудничества между СССР и США в послевоенное время на взаимовыгодной основе. Американская сторона придавала этому вопросу исключительно большое значение. Рузвельт рассматривал торгово-экономические связи в качестве «прочной основы русско-американской дружбы». Об участии США в восстановлении советской экономики шла речь между президентом, Гопкинсом и Гарриманом во время почти семичасового перелета из Каира в Тегеран. Рузвельт привлек внимание посла к важности этого вопроса и поручил не упускать его из виду.

Примечательно, что свою первую беседу с главой Советского правительства в Тегеране 28 ноября президент начал именно с обсуждения этих перспективных вопросов, предложив передать Советскому Союзу после войны часть американского торгового

флота. Его собеседник ответил, что «Россия будет представлять собою после войны большой рынок для Соединенных Штатов». Рузвельт на это заявил, что американцам потребуется большое количество сырья, поэтому он думает, что между двумя странами будут существовать тесные торговые связи. И. В. Сталин заметил, что «если американцы будут поставлять нам оборудование, то мы им сможем поставлять сырьё»¹.

Сложнее обстояло дело с вопросами, затрагивающими интересы безопасности СССР. Особенно непримиримо был настроен Черчилль. Американская позиция при обсуждении этого круга вопросов в Тегеране также оставалась двусмысленной, если не сказать враждебной Советскому Союзу. Президент хорошо понимал, что США в конце концов будут вынуждены уступить, но, будучи политиком до мозга костей, рассчитывал как следует поторговаться напоследок. Похоже, что, выложив на стол конференции «козырь» второго фронта, он спешил обзавестись новыми. Отсюда и попытки Рузвельта в беседе с главой советской делегации поставить под сомнение законность вступления Прибалтийских республик в состав СССР, оттянуть признание советско-польской границы, взять под защиту польское эмигрантское правительство и т. д.

Международное значение Тегеранской конференции, имевшей кодовое название «Эврика», велико. Её успех отразил качественно новое явление в международных отношениях — эффективность коалиции, состоящей из стран с различными социально-экономическими системами. Тегеранская конференция не только разрушила все надежды фашистов и их единомышленников из стран антигитлеровской коалиции на ее раскол, но и положила начало позитивной форме внешнеполитических взаимоотношений государств, придерживавшихся различных духовных ценностей и мировоззрений.

Несмотря на жаркие дипломатические споры, Тегеранская конференция закончилась на высокой оптимистической ноте. Ее участники выразили решимость своих стран работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время. Это была большая победа в деле борьбы с фашизмом, крупный успех антигитлеровской коалиции, заставивший содрогнуться столицы вражеских государств, а их главарей почувствовать свою обреченность и приближение неминуемой расплаты за содеянное.

30 ноября в Тегеране отмечали день рождения Черчилля. Ему исполнилось 69 лет, и по возрасту он был старше своих коллег. По свидетельству советских очевидцев, молчавших по понятным соображениям более полувека, Сталин явно чувствовал себя не в своей тарелке. Стол был накрыт в лучших традициях английской аристократии с бесчисленным количеством приборов и фирменной посуды, и это выбивало из привычной колеи склонного к аскетизму и «не кончавшего академий» советского вождя. На банкете президент Рузвельт произнес тост. Он говорил о многообразии политических оттенков,

представленных собравшимися за банкетным столом, которые ему напоминали цвета радуги — доброго символа надежды и благополучия у американцев. «У нас различные обычаи, философии и образ жизни, — продолжал президент. — Каждый из нас поступает так, как того требуют стремления и чаяния его народа. Но мы доказали здесь, в Тегеране, что различные идеалы наших народов можно свести воедино в гармоничное целое, двигаясь вместе к общему благу для нас самих и всего мира. И вот, покидая эту историческую встречу, мы видим в небе первый раз традиционный символ надежды — радугу»².

Память очевидцев сохранила, что глава советской делегации с большим вниманием выслушал тост президента, к которому он испытывал большое уважение, отдавая должное его дальновидности и реализму, умению пойти, когда требовалось, на разумный компромисс. Мысль, высказанная Рузвельтом в его тосте, во многом была созвучна настроениям советских руководителей. Объективные противоречия между государствами с различным общественным строем не должны были мешать им находить дорогу к согласию, мирно сосуществовать и сотрудничать на одной планете. В этом заключался главный урок Тегерана.

Под залпы победных салютов в Москве заканчивался год коренного перелома в войне — год колоссального напряжения всех духовных и физических сил советского народа, пик великой битвы народов с фашизмом. В свои права вступала новая военно-политическая реальность, созданная победами Красной Армии под Сталинградом и на Курской дуге, успехами союзников на других театрах военных действий. Достижения на дипломатическом фронте явились непосредственным результатом растущего престижа Советского государства, его мощи и влияния. Как мало напоминало все это 1941 год, когда не только враги, но и потенциальные союзники не принимали в расчет СССР и оставляли ему в лучшем случае подчиненное место в своих геополитических планах на будущее.

После коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны военная удача уже не оставляла СССР и его союзников и окончательный разгром стран «оси» был не за горами.

Красная Армия завершила изгнание врага, восстановив довоенные границы СССР и приступила к освобождению от фашизма порабождённых народов Европы. Практическое значение приобрел вопрос каким будет мир после окончания самой кровопролитной войны в истории человечества, на каких принципах он будет строиться, чьим интересам отвечать. Союзникам по антигитлеровской коалиции важно было учесть печальный опыт Версальского мирного урегулирования и ещё в ходе войны договориться о своих планах на будущее. Они верили, что им удастся найти «магическую формулу», которая поможет преодолеть разногласия и создать совер-

шенный миропорядок в интересах народов. Правда, каждая сторона понимала это по-своему и была готова твёрдо отстаивать свои интересы. Многие зависело от конкретной военно-политической ситуации на завершающей стадии войны, которая складывалась благоприятно для Советского Союза. Этим перспективным вопросам послевоенного миропорядка и были в основном посвящены межсоюзнические конференции в Ялте (Крым) и в Потсдаме (пригороде Берлина).

Как следует из переписки И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом, американская сторона впервые поставила вопрос о желательности следующей встречи в верхах, местом которой стал Крым, 19 июля 1944 г. Президента тревожили успехи Советской Армии на фронте, и он хотел оговорить все вопросы заранее. «Поскольку события развиваются так стремительно и так успешно, я думаю, что в возможно скором времени следовало бы устроить встречу между Вами, премьер-министром и мною»³, — писал он в Москву.

Через три дня глава Советского государства ответил согласием на предложение президента, но сообщил, что по причинам, связанным с необходимостью руководства делами на фронте, он не сможет выехать за пределы страны. В это время советские войска развернули широкое наступление с целью освобождения Западной Белоруссии (операция «Багратион»). Вслед за тем последовала длительная переписка между Москвой и Вашингтоном в отношении выбора места и времени встречи.

Как ясно следует из опубликованных МИД СССР архивных документов, место проведения конференции было предложено американской стороной, а не «навязано Москвой» больному Рузвельту, как по сей день утверждают некоторые западные авторы. 13 октября 1944 г. помощник президента и его близкий друг Г. Гопкинс в беседе с советским послом А. А. Громыко заявил, что «по его мнению, Рузвельт для встречи мог бы прибыть на военном корабле в Черное море». Как сообщал в НКВД посол, «Гопкинс допускает, что встреча могла бы состояться где-либо на советском черноморском побережье».

Последующий длительный обмен мнениями между Москвой и Вашингтоном в отношении выбора места встречи объяснялся предпринятой с американской стороны попыткой пересмотреть свое собственное предложение. Внешне всё выглядело как вопросы престижа, нежелание признавать решающую роль СССР в войне, давая согласие проводить новую встречу в верхах на советской территории. На самом деле это была хорошо замаскированная и продуманная попытка со стороны противников советско-американского сближения, сыграв на самолюбии президента, сорвать конференцию и не допустить встречи Ф. Рузвельта с И. В. Сталиным, на которой, как боялись правые деятели в Вашингтоне, Соединенные Штаты могли взять на себя «связывающие обязательства» перед Советским Союзом.

Вот что писал по этому поводу Гопкинс: «Все близкие советники президента возражали против его поездки в Россию. Большинство из них не любили русских или не доверяли им; они никак не могли понять, почему президент Соединенных Штатов должен исколесить весь свет, чтобы встретиться со Сталиным. Но я считал этот довод неосновательным. Важно было, чтобы конференция состоялась. Не было никакой надежды созвать ее за пределами Крыма. Советники президента обрушились на меня с резкой критикой, узнав, что именно я разговаривал с Громыко о возможности поездки в Крым. Когда они пытались отговорить президента от поездки, он снова заколебался и придумал массу контрпредложений, но ни одно из них не было достаточно осмысленным»⁴.

В конечном итоге, понимая всю важность предстоящей встречи для грядущих отношений с Советским Союзом, Рузвельт нашел в себе силы отклонить рекомендации некоторых враждебно настроенных советников и вернулся к своему первоначальному предложению.

Начавшееся 16 декабря контрнаступление гитлеровцев на позиции англо-американских войск в Арденнах придало готовящейся встрече особую срочность и необходимость. 27 декабря Гарриман информировал Советское правительство о согласии Рузвельта прибыть в Крым к началу февраля. С советской стороны было выражено удовлетворение в связи с этим решением.

Ялтинская конференция — вершина сотрудничества

Советское правительство придавало большое значение предстоящей конференции прежде всего с точки зрения дальнейшего укрепления сотрудничества трех держав как в вопросах завершения войны, так и в вопросах упрочения мира. Свою главную задачу оно видело в том, чтобы надежно гарантировать послевоенную безопасность, не допустить новой агрессии, найти справедливое решение германской проблемы. Наряду с этим было важно закрепить интересы безопасности Советского государства как территориальные, так и политические, добиться решения репарационной проблемы. Наконец, речь шла и о том, чтобы помочь встать на ноги европейским народам, освобожденным от фашистской оккупации. Что в Москве понимали под этим? Далеко идущие планы «советизации» Восточной Европы, как утверждают некоторые авторы?

Судя по имеющимся документам, на том этапе в Кремле оперировали формулой «дружественные правительства» освобождённых государств, что прежде всего должно было положить конец возрождению в Восточной Европе былого «санитарного кордона» и способствовать установлению добрососедских отношений со странами, волею трагических событий оказавшихся в орбите гитлеровской Германии. Естественно, западные союзники, прежде всего Черчилль, были заинтересованы в восстановлении

довоенных порядков в Восточной Европе, что представлялось весьма маловероятным с учётом конкретного соотношения сил, продвижения Красной Армии и общего морально-политического климата в обстановке антифашистского подъёма. Восточная Европа всегда тянулась к сильному на данный исторический момент, а сильным в то время в ореоле победителя и освободителя выступал Советский Союз на фоне местных довоенных правящих элит, скомпрометированных сотрудничеством с фашизмом и ответственных за утерю национального суверенитета.

Не преуменьшая имеющиеся разногласия, в Москве в то же время были уверены, что их удастся преодолеть. 19 октября 1944 г. глава Советского правительства сообщал в Вашингтон об итогах состоявшихся в Москве переговоров с Черчиллем: «В беседах выяснилось, что мы без больших трудностей можем согласовать нашу политику по всем вставшим перед нами важным вопросам, а если мы и не можем еще обеспечить немедленное нужное решение той или иной задачи, как, например, по польскому вопросу, то тем не менее и здесь открываются более благоприятные перспективы. Я надеюсь на то, что эти московские беседы принесут пользу и в том отношении, что при будущей встрече нас троих мы сможем принять определенные решения по всем неотложным вопросам, представляющим для нас общий интерес»⁵.

Что касается партнеров Советского Союза по переговорам, то их цели определялись сложным переплетением отнюдь не альтруистических интересов и достаточно трезвой оценкой собственных возможностей в сложившейся обстановке. В исследовании американского конгресса отмечается, что у Рузвельта были две крупные цели: окончательно добиться советских обязательств о вступлении в войну на Дальнем Востоке и получить от Сталина окончательное согласие на создание Организации Объединенных Наций. Среди главных задач Черчилля, как подчеркивается там, было сохранение Британской империи «наряду с обеспечением устойчивого баланса сил на Европейском континенте путем возрождения Франции и Германии в качестве мощного противовеса Советскому Союзу».

Следует отметить, что американская и английская делегации при наличии существенных разногласий между собой, особенно по колониальным делам, нередко координировали свои действия и часто выступали единым фронтом. При этом Рузвельт проявлял куда большую гибкость, чем его английский коллега, и в большей мере старался учитывать советские интересы, что, разумеется, не мешало ему энергично отстаивать интересы США. Супруга президента Элеонора писала о настроениях своего мужа перед Крымской конференцией: «У Франклина были большие надежды на то, что на этой конференции он сможет добиться настоящего прогресса в укреплении личных отношений с маршалом Сталиным. Он знал, что переговоры неизбежно предполагали

определенные уступки и приобретения, но он умел хорошо торговаться, был превосходным игроком в покер и ему нравилась игра переговоров»⁶.

Активное участие в подготовке к предстоящим переговорам в Крыму принимал госдепартамент. По различным политическим вопросам, волнующим американскую дипломатию, были разработаны специальные рекомендации для президента так называемые «черные книги», которые излагали желательную позицию США и намечали возможные пути ее осуществления. Этим рекомендациям большей частью недоставало реализма, а поэтому «черные книги» были скептически встречены президентом. Член американской делегации Дж. Бирнс, как отмечает американский автор Р. Мессер, был удивлен тем, что президент до приезда в Крым «даже и не посмотрел на них». Рузвельт больше полагался на собственный дипломатический опыт, чувство ситуации и мнение ближайших помощников. Многие вопросы, как, например, предложение о создании чрезвычайной верховной комиссии для Европы (с целью возвращения эмигрантских буржуазных правительств в освобожденные государства, он даже не считал нужным поднимать на переговорах, видимо, заранее предвидя, что это предложение не будет принято советской стороной, которая выступала за право освобожденных народов самим решать вопрос о государственной власти.

Весьма сдержанно отнесся президент и к предложениям англичан наметить совместную тактику перед конференцией в Крыму в ходе встречи на Мальте. Дело ограничилось обсуждением военных вопросов между начальниками штабов. Черчиллю не удалось втянуть Рузвельта в политическую дискуссию, что вызвало крайнее неудовольствие английской стороны. В своем дневнике Иден записал, что он не смог даже «приблизиться к делу» в ходе запланированного рабочего ужина. «Я подошел позднее к Гарри Гопкинсу, — вспоминал Иден, — указывая, что нам предстояло участвовать в решающей конференции, а мы до сих пор не договорились ни о том, что будем обсуждать, ни о том, как вести себя с Медведем (так Иден именует Советский Союз), который, конечно, знает, чего он хочет»⁷.

В ночь с 2 на 3 февраля 1945 г. с аэродрома Лука на Мальте с правильными десятиминутными интервалами поднимались в воздух транспортные самолеты в сопровождении эскорта истребителей, чтобы доставить в Крым около 700 человек — членов американской и английской делегаций, включая президента и премьер-министра. После торжественной встречи на аэродроме Саки под Симферополем оркестры исполнили государственные гимны западных союзных держав и «Интернационал» — высокие гости на автомобилях проследовали в отведенные им резиденции вблизи Ялты. Взору президента, следовавшего в головной машине вместе со своей дочерью Анной, предстали страшные следы двухлетнего хозяйничанья гитлеровцев в Крыму — сожженные села, исковерканная земля, брошенная врагом при

отступлении военная техника. До него начал доходить скрытый смысл настойчивости Сталина провести конференцию на советской земле. «Гарриман прав, — вспоминал он рассказы своего посла в Советском Союзе, — американцы и близко не представляют себе, во что обошлась война русским».

Военные вопросы заняли сравнительно мало места в работе конференции и были быстро согласованы уже на первом заседании 4 февраля после докладов начальников генеральных штабов трех держав. В основном речь шла о более тесной координации боевых действий союзников в Европе в преддверии капитуляции Германии. Советскому правительству была выражена «глубокая благодарность» за организацию наступления в связи с прорывом гитлеровцев на Западном фронте. В ответ было подчеркнуто, что «Советское правительство считало это своим долгом, долгом союзника, хотя у него не было формальных обязательств на этот счет». Это был урок верности союзническому долгу, преподанный тем, кто нередко им пренебрегал⁸.

Главное место на конференции заняли политические проблемы послевоенного урегулирования. В ходе беседы в Юсуповском дворце, где размещалась советская делегация, нарком иностранных дел В. М. Молотов сообщил Гарриману накануне открытия совещания, что советская сторона считала целесообразным начать его с обсуждения вопроса о Германии. Это не встретило возражений американцев и англичан. Второе заседание началось с обсуждения германской проблемы. Участники конференции подписались под заявлением, в котором, в частности, говорилось: «Нашей непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантий в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира»⁹. На основе рекомендаций Европейской консультативной комиссии (ЕКК) был окончательно решен вопрос о зонах оккупации Германии. Франции была выделена зона из британской и американской частей, а также предоставлено право быть членом Контрольного совета по Германии.

Была достигнута договоренность о признании законных границ СССР, США и Англии пришлось безоговорочно признать советско-польскую границу, как она сложилась до начала войны. В решениях Ялтинской конференции было записано: «...Восточная граница Польши должна идти вдоль линии Керзона с отступлениями от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши», что явилось уступкой советской стороны.

В связи с окончательным решением Советского Союза вступить в войну с Японией «через два-три месяца» после капитуляции Германии и окончания войны в Европе участниками конференции было подписано соответствующее соглашение с перечнем ряда условий. Оно предусматривало восстановление принадлежащих СССР территориальных прав, нару-

шенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно: возвращение Советскому Союзу южной части о. Сахалин и всех прилегающих к ней островов; передачу ему Курильских островов и решение ряда других важных вопросов.

Американские руководители исключительно высоко оценивали это соглашение, считая его «малой ценой» за советское обязательство начать военные действия на Дальнем Востоке. Имея в виду подписанное соглашение, член американской делегации адмирал Леги говорил Гарриману: «Это делает поездку стоящей того». Все последующие попытки американских авторов бросить тень на соглашение в целом или поставить под сомнение его отдельные положения не учитывают главного: в окружении Рузвельта господствовало твердое убеждение, что без участия Советского Союза победа в войне с Японией была крайне затруднена, а то и невозможна.

Интересно свидетельство на этот счет сменившего Хэлла на посту госсекретаря США Э. Стеттиниуса: «Я знал в Ялте, — писал он в своих воспоминаниях „Рузвельт и русские“, — например, о том огромном давлении, оказанном на президента нашими военными деятелями, с тем чтобы добиться вступления России в войну на Дальнем Востоке. В то время атомная бомба еще была неизвестной величиной, а наше поражение в битве на выступе было у всех свежо в памяти. Мы все еще не форсировали Рейн, Никто не знал ни того, как долго продлится европейская война, ни того, сколь великими окажутся потери».

На Ялтинской конференции было достигнуто соглашение по ключевому вопросу в деле создания Организации Объединенных Наций — о процедуре голосования в Совете Безопасности. Учредительную конференцию намечалось провести в конце апреля 1945 г. в Сан-Франциско. Были также урегулированы некоторые другие спорные проблемы, остававшиеся открытыми после переговоров представителей СССР, США и Великобритании на конференции в Думбартон-Оксе, проходившей с 21 августа по 28 сентября 1944 г. с целью разработки Устава ООН. Американская дипломатия вынуждена была отойти от своей позиции в вопросе о голосовании, подрывавшей принцип единогласия великих держав. 15 ноября 1944 г. Рузвельт на совещании с руководителями госдепартамента в Белом доме одобрил компромиссную формулу, в приемлемости которой он надеялся убедить Сталина. Кроме того, он боялся, что отсутствие «права вето» в определенной ситуации могло обернуться против Соединенных Штатов и вызвать возражение в конгрессе. В свете последующих десятилетий президент, ох, как оказался прав.

Однако предложенный президентом порядок голосования, предусматривавший разделение возникающих вопросов по их значимости, не встретил до конференции поддержки с советской стороны. 26 декабря 1944 г. глава Советского правительства сообщил в Вашингтон, что не может согласиться

с предложенной американской редакцией соответствующего пункта соглашения и настаивал на прежней советской позиции в вопросе о голосовании. В послании подчеркивалась важность соблюдения принципа единогласия великих держав и недопустимость отступления от него.

28 декабря Гарриман сообщал из Москвы в связи этим вопросом: «Анализируя реакцию Советов, следует иметь в виду, что после революции другие государства относились враждебно или подозрительно к ним или их целям. Хотя русские понимают, что их признают ныне как могущественную мировую державу, они все еще с недоверием относятся к скрытым мотивам большинства государств по отношению к ним. Тем самым у них нет уверенности, что члены Совета будут без предубеждения вести себя в спорах, которые могут затрагивать Советское правительство»¹⁰.

На Ялтинской конференции после продолжительной дискуссии был найден приемлемый компромисс. Советская делегация пошла навстречу американским предложениям, которые исходили из безусловного единогласия постоянных членов Совета Безопасности по всем важнейшим решениям, относящимся к сохранению мира, включая принятие экономических, политических и военных санкций, и допускали отступление от принципа единогласия при мирном урегулировании споров. Это была важная уступка с советской стороны. Советская делегация также сняла свое предложение об участии в ООН всех союзных республик и ограничилась двумя из них — Украиной и Белоруссией, что получило немедленную поддержку американской стороны (если бы в Кремле тогда знали о грядущем в далёком будущем распаде СССР).

Как и следовало ожидать, наибольшие споры в Ливадийском дворце разгорелись по вопросам политического устройства освобожденных европейских государств. Западные державы выступали за реставрацию довоенных режимов, СССР — за предоставление европейским народам права самим решать вопрос о государственном устройстве, что в той конкретной ситуации могло означать только приход к власти просоветских сил. При обсуждении «Декларации об освобожденной Европе» советская сторона, стремясь наполнить этот важнейший документ конкретным содержанием и тем самым устранить почву для разногласий при его претворении в жизнь, предложила включить в него положение о том, что в процессе налаживания мирной жизни освобожденных европейских народов «будет оказана поддержка политическим деятелям этих стран, принимавшим активное участие в борьбе против германской оккупации».

На первых порах эта поправка встретила поддержку президента Рузвельта, однако, обсудив этот вопрос с членами американской делегации, он отклонил советское предложение под тем предлогом, что оно якобы «не имело отношения к делу и являлось чуть ли не вмешательством» во внутренние дела

европейских народов. С советской стороны в связи с этим было подчеркнуто, «что у союзников не может быть одинакового отношения к тем, кто поддерживал немцев и кто боролся против них». Все же в интересах успешной работы конференции было решено эту поправку с обсуждения снять.

В то время, когда народы еще вели смертельную борьбу с фашизмом, руководители США хотели оставить себе «свободу рук» на будущее и предпочитали отделяться общими декларациями о «демократии» и «свободе», лишенными конкретного содержания. И все-таки в «Декларации об освобожденной Европе» благодаря усилиям советской дипломатии было зафиксировано принципиальное положение, гласившее, что установление порядка в Европе и переустройство национальной экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору.

Большое место в работе Ялтинской конференции занял польский вопрос. Он затрагивался почти на всех пленарных заседаниях. При его обсуждении, по подсчетам Черчилля, было произнесено в общей сложности 18 тыс. слов (!), порой достаточно резких. Это и понятно, поскольку позиции сторон вначале были диаметрально противоположными. Инициатива в постановке польского вопроса целиком принадлежала западным союзникам, встревоженным переменами в Польше и ослаблением позиций своих ставленников. Их, прежде всего, волновал вопрос о власти. «Наиболее существенной частью польского вопроса, — подчеркнул Рузвельт на заседании 6 февраля, — является вопрос о создании постоянного правительства в Польше»¹¹. Вопреки сложившейся позднее легенде об «уступчивости» президента он не жалел сил, защищая польских довоенных политиков.

Вместе с Черчиллем Ф. Рузвельт попытался убедить советскую делегацию согласиться с такой «реорганизацией» Временного польского правительства, которая вернула бы к власти прозападных довоенных деятелей, подставивших Польшу под удар вермахта. В этих целях Рузвельт предлагал учредить президентский совет и поручить ему создание нового правительства. Он настаивал на осуществлении контроля за выборами в Польше со стороны послов трех держав и считал «мало оправданным» перенесение польской границы на Западную Нейсе и т. д.

Эти попытки вершить делами Польши встретили решительный протест советской стороны. Временами могло показаться, что речь идет не о соседнем Советскому Союзу государстве, а о какой-нибудь центрально-американской республике, где США привыкли хозяйничать по своему усмотрению. Глава советской делегации высказался в пользу того, чтобы не мешать полякам самим решать свои внутренние дела, не навязывать им чужую волю. Он также настойчиво подчеркивал, что с Польшей связаны важнейшие

стратегические интересы Советского государства, вопросы его безопасности. «Вот почему, — заявил он, — Советский Союз заинтересован в создании мощной, свободной и независимой Польши». Хотя Сталин вел себя сдержанно, сила, тем не менее, была на его стороне. Судя по всему, он хотел переиграть историю и думал о том, как сделать Польшу союзником в послевоенное время на случай новой германской угрозы совсем в духе теории «баланса сил».

Твердая позиция, занятая советской делегацией, видимо, произвела должное впечатление на президента. Думается, он не мог не почувствовать собственную непоследовательность: высказываясь за создание дружественной Советскому Союзу Польши, он в то же время оказывал поддержку русофобски настроенным польским эмигрантам, мечтавшим лишь о возрождении старой «санационной» Польши и отказывавшимся признать советско-польскую границу 1939 г. Обстановка на конференции в связи с польским вопросом заметно накалилась. Перспектива оказаться в тупике не прельщала Рузвельта. Он понимал необходимость компромисса. 6 февраля президент направил И. В. Сталину специальное послание по польскому вопросу: «Я исполнен решимости, — писал он, — не допустить раскола между нами и Советским Союзом. Наверняка имеется способ примирить наши разногласия»¹², — говорилось в нём.

В результате длительной и терпеливой дипломатической работы такой «способ» был найден. Достигнутая договоренность в отношении Польши гласила, что действующее Временное польское правительство должно быть реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы. Это решение дало возможность польскому народу самому определить свою дальнейшую судьбу. Советский Союз и в этом, жизненно важном для него вопросе проявил максимум конструктивности, стремление достигнуть соглашения с союзниками.

Позднее в США раздавалось немало нареканий в адрес Рузвельта в связи с достигнутой договоренностью по польскому вопросу. Ее считали большой уступкой Советскому Союзу. Даже в тот момент не все в американской делегации понимали своего президента. Когда адмирал Леги заикнулся о том, что формула в отношении Польши явилась уж больно «эластичной», Рузвельт раздраженно оборвал его: «Я знаю, Билл, я знаю, но это самое большое, что я могу сделать для Польши в настоящее время». Реальности оставались реальностями, и от них некуда было деться. Американская исследовательница П. Уорд отмечает, что «по сути дела, Рузвельт сам не был удовлетворен достигнутым в Ялте соглашением о Польше, но он считал, что это был наилучший компромисс, который мог быть достигнут в то время»¹³.

Остается сказать несколько слов о том, как решалась репарационная проблема. Советский Союз, потерпевший колоссальный ущерб от фашистских аг-

рессоров, имел полное право компенсировать за счет репараций хотя бы малую толику того, что было разрушено и уничтожено врагом. Одновременно СССР, выдвигая свои требования, стремился подчеркнуть, что агрессия не может пройти безнаказанно. Однако усилиями западных партнеров этот вопрос был превращен в предмет недостойного политического торга. Думая только о том, как бы не ослабить послевоенную Германию в качестве нового «оплота против большевизма», Черчилль под различными предложениями отказывался зафиксировать в протоколе точную сумму германских репараций, предложенную советской делегацией. Рузвельт вначале поддержал его в этом.

Дело в том, что президент явно преувеличивал значение германских репараций для послевоенного восстановления Советского Союза, в котором США намеревались принять участие и думали лишь о том, как сделать это повыгоднее для себя. Примечательно, что на самой конференции американская делегация не стала затрагивать вопрос о долгосрочном кредите на 6 млрд. дол., поставленный Советским правительством 3 января 1945 г., видимо, ожидая каких-то «встречных шагов», а проще говоря, политических уступок с советской стороны. Во всяком случае, когда 5 февраля на обеде в Юсуповском дворце, устроенном для министров иностранных дел, В. М. Молотов напомнил Стеттиниусу о советских предложениях, тот уклончиво ответил, что готов обсудить проблему кредитования советских заказов в любое время. Однако дальше этого дело не пошло.

Правда, во время одного из банкетов в Ливадийском дворце между Ф. Рузвельтом и И. В. Сталиным состоялся на первый взгляд шуточный и вместе с тем весьма примечательный разговор. Президент, отдав должное высокому качеству советского шампанского, высказался в том духе, что ему следовало бы выпить из Москвы 500 бутылок. На это глава Советского правительства иронически заметил, что он мог бы «отпустить» этот товар президенту на основе долгосрочного кредита с рассрочкой на 30 лет — как раз на тот срок, о котором шла речь в советском предложении от 3 января 1945 г. Намек был достаточно прозрачен и, должно быть, не остался незамеченным.

Имеется прямое указание на то, что Рузвельт увязывал германские репарации с послевоенным восстановлением СССР. На заседании 5 февраля, когда началось обсуждение репарационной проблемы, он заявил, что очень надеется, что будет возможно восстановить все разрушенное в Советском Союзе, но сомневается в том, что удастся покрыть весь ущерб за счет репараций. Недосказанной, видимо, осталась мысль о том, что чем меньше получит СССР в счет репараций, тем больше будет его заинтересованность в американских кредитах со всеми вытекающими отсюда политическими преимуществами для Соединенных Штатов.

Отсюда вполне понятна первоначальная несогласованность Рузвельта в репарационном вопросе, имевшая место до тех пор, пока в дело не вмешался

Гопкинс, увидевший, что игра зашла слишком далеко и грозила осложнением отношений с Советским Союзом. 10 февраля он направил президенту свою известную записку, в которой говорилось: «Русские и так уступили слишком много на этой конференции, и я думаю, что мы не должны их подводить, пусть англичане не соглашаются и, если они того хотят, продолжают не соглашаться в Москве. Просто скажите, что все это передается в репарационную комиссию вместе с протоколом, в котором зафиксировано несогласие англичан на любое упоминание цифры в 10 млрд. дол.»¹⁴.

В конечном счёте, так и было сделано. В подписанном протоколе указывалось, что советская и американская делегации согласились передать вопрос в Московскую комиссию по репарациям, которая в качестве базы для обсуждения будет исходить из советского предложения об общей сумме репараций с Германии в 20 млрд. долл. с правом получения Советским Союзом 50% от этой суммы. Англичане отказались зафиксировать точную цифру репарации. Похоже, Черчилль уже тогда начал разыгрывать новый европейский «баланс сил», в котором послевоенной Германии предназначалось не последнее место.

Ялтинская конференция явилась наиболее ярким выражением отношений сотрудничества СССР, США и Великобритании в годы войны. Более того, она открывала реальные перспективы для продолжения этого сотрудничества в мирное время. Последний раздел подписанного в Крыму коммюнике так и назывался: «Единство в организации мира, как и в ведении войны». Следует со всей определенностью подчеркнуть, что все шаги советских представителей на конференции, в том числе и готовность пойти навстречу союзникам в отдельных вопросах, сверялись с главной задачей, поставленной перед советской внешней политикой: добиться развития стабильных и устойчивых отношений в послевоенное время с главными капиталистическими державами — союзниками СССР по антигитлеровской коалиции. Эти планы имели мало общего с приписываемым Советскому Союзу стремлением к разжиганию «холодной войны».

8 февраля на обеде в Юсуповском дворце, устроенном советской делегацией, ее глава произнес тост. Он говорил о том, что было нетрудно крепить единство во время войны, так как существовала общая решимость нанести поражение врагу. Гораздо труднее сделать это после войны, когда различные интересы начинали разделять союзников. И. В. Сталин выразил надежду, что нынешний союз выдержит и это испытание и что долг руководителей трех держав позаботиться о том, чтобы отношения между ними в мирное время оставались столь же крепкими, как и во время войны.

Действия советской дипломатии на конференции, проявленные ими гибкость, целеустремленность, конструктивный подход получили высокую оценку западных участников переговоров. Постоянный

заместитель министра иностранных дел Великобритании А. Кадоган отмечал в личном письме: «Я думаю, что дядя Джо (так в политических кругах Запада называли И. В. Сталина. — А. Б.) производит самое сильное впечатление. Президент славословил, а премьер-министр распалялся, но Джо просто внимал всему этому с чувством некоторого упоения. Когда же он вступал в разговор, то никогда не тратил слова попусту, а говорил только по делу». В другом письме Кадоган писал: «Я никогда не видел русских столь доступными и сговорчивыми»¹⁵.

По оценке государственного секретаря США Э. Стеттиниуса, эта конференция «явилась самой важной встречей руководителей Великобритании, Советского Союза и Соединенных Штатов во время войны», в ходе которой «впервые три лидера достигли фундаментальных договоренностей по послевоенным проблемам в отличие от обычных заявлений о целях и намерениях».

Ялтинская конференция явилась классическим примером торжества принципа взаимности в международных отношениях, готовности сторон пойти на взаимоприемлемые уступки и компромиссы во имя прочного сотрудничества и взаимопонимания на будущее. В ее решениях нашли свое закрепление исторические итоги Второй мировой войны, колоссальные последствия победы над фашизмом для судеб человечества, что, по словам американского автора Дж. Хэккера, «оказало воздействие на международные отношения на десятилетия вперед».

Итоги Крымской конференции были встречены с огромным воодушевлением в странах антигитлеровской коалиции. Советская общественность приветствовала их как историческую демонстрацию тесного боевого сотрудничества союзных держав в период, когда война вступила в свою заключительную фазу. Говоря о результатах проделанной работы в Крыму, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков вспоминал, как Сталин делился с ним впечатлениями о Ялтинской конференции. И чувствовалось, что он остался доволен ее результатами и, по словам Маршалла, очень хорошо отзывался о Ф. Рузвельте.

Решения конференции были встречены с одобрением английской и американской общественностью. Пресса указывала на их деловой и конструктивный характер, высокую результативность. Английское посольство в Вашингтоне отмечало: «Ялтинское коммюнике вызвало исключительно благоприятную первую реакцию... Нет сомнения, что Ялта оказала по-настоящему позитивное воздействие на американское общественное мнение. Хотя первоначальный энтузиазм уступил место более углубленной и трезвой оценке достигнутого на конференции, главное в этой оценке сохраняется»¹⁶.

В решениях состоявшейся в Крыму встречи «большой тройки» нашли выражение антифашистские настроения народных масс, их надежды на мирное послевоенное будущее. Возросшее влияние

Советского государства в международных делах, активность его дипломатии обеспечивали послевоенному мирному урегулированию долговременный устойчивый характер. На том этапе договаривающиеся стороны понимали, что следовало поступиться в отдельных случаях своими интересами ради достижения более высоких целей.

Решения Ялтинской и Потсдамской конференций составляют единое целое, объединены общим смыслом подвести черту кровопролитной войне, закрепить победу над фашизмом и заложить прочный фундамент послевоенного мира. Именно в этом направлении шли усилия советской внешней политики.

Речь шла о том, чтобы, учитывая печальную память опыт Версальского урегулирования, обеспечить не кратковременную мирную передышку — преддверие новой мировой войны, а добиться по-настоящему прочного и стабильного мира на десятилетия вперед. Особое значение имел тот факт, что человечество вступало в ядерный век, когда проблемы войны и мира, международной безопасности приобретали исключительную остроту.

Финал в Потсдаме

Между Ялтинской и Потсдамской конференциями пролегал отрезок времени менее чем в полгода, но этот короткий период был до предела насыщен крупнейшими историческими событиями. Под мощными ударами Советской Армии и войск союзников, высадившихся в июне 1944 г. в Нормандии, рухнул «тысячелетний» третий рейх, германский фашизм был стерт с лица земли. Советский Союз, верный взятым на себя обязательствам, готовился вступить в войну с милитаристской Японией. На заключительном этапе Второй мировой войны в полной мере проявилась решающая роль советского народа и его Вооруженных Сил в разгроме агрессоров.

Важным фактором победы над фашизмом явилось объединение государств с различным социальным строем, прежде всего СССР, США и Великобритании, в единую антигитлеровскую коалицию, выдержавшую все испытания военного времени и доказавшую свое неизмеримое превосходство над блоком агрессоров. Все расчеты гитлеровцев на «раскол» между союзниками по мере вступления их войск в Германию, как и все предпринятые ими попытки вбить клин между ними дипломатическими средствами, оказались, в конечном счете, безуспешными. Игра на антикоммунизме правящих кругов США и Великобритании, на присущем им классовом страхе перед «большевизацией» Европы не достигла цели. Второго издания «мюнхенской политики» после всех бедствий войны, обрушенных нацистским режимом на народные массы, не получилось.

25 апреля 1945 г. состоялась историческая встреча советских и американских войск на Эльбе в центре Германии, вошедшая в историю как символ боевого единства народов СССР и США в борьбе с фашизмом.

В тот же день на другом полушарии, в Сан-Франциско, начала свою работу представительная конференция Объединенных Наций, созванная с высокой целью «избавления грядущих поколений от бедствий войны» и создания международной организации по обеспечению мира и безопасности народов. В Берлине еще гремели последние уличные бои, а помыслы всех людей мира были уже устремлены в послевоенное будущее. Павшие завещали живым крепить послевоенный мир, не допустить повторения трагедии мировой войны.

Чем ближе был конец войны, тем откровеннее проявлялись своекорыстные цели и интересы западных союзников, которые, следуя классическим канонам всех победителей, вынашивали далеко идущие планы передела мира в свою пользу за счет побежденных и ослабленных войной государств. Особой наступательностью отличалась послевоенная программа так называемого «американского века», выдвинутая политической элитой США.

Многое в это сложное переходное время на рубеже войны и мира зависело от государственных деятелей их политической мудрости, чувства ответственности и реализма, дальновидности и дипломатического опыта. Что касается западных союзников по антигитлеровской коалиции, то этими качествами в значительной степени обладал такой дальновидный буржуазный политик, каким был президент США Ф. Рузвельт. Ялтинская конференция укрепила его в мысли, что советско-американское сотрудничество должно стать основой международной стабильности после войны и что ради этой высокой цели стоило проявлять сдержанность в отношениях с Советским Союзом и искать взаимоприемлемые пути преодоления возникающих разногласий. «Политик высокого класса, — отмечает биограф президента Дж. Хэккер, — Рузвельт признавал необходимость приспособления и перемен». Политика для него была «искусством возможного». Как-то он задумчиво спросил одного из своих сотрудников: «Вы знаете почему президент Абрахам Линкольн нередко выглядел грустным? Потому что он знал, что криками с крыши многого не добьешься»¹⁷.

Смерть Рузвельта 12 апреля 1945 г. и приход к власти его преемника — Г. Трумэна, консервативного политического деятеля, тесно связанного с военно-промышленными кругами США, ускорили поворот во внешней политике США в сторону конфронтации с Советским Союзом и отказа от сотрудничества с ним. Трумэн выражал политическую философию тех кругов в США, которые считали, что «Америка должна стать старшим собратом в сообществе наций». Это означало, что к концу войны в правящих кругах США все большее влияние приобретали идеи американского всемогущества и вседозволенности, происходила опасная переоценка собственных сил и недооценка возможностей других, открыто выдвигались претензии на мировое лидерство.

В связи с деятельностью Трумэна большой интерес представляет телеграмма посла СССР в США А. А. Громыко в НКВД от 21 апреля 1945 г. с анализом происшедших в Вашингтоне перемен. Посол обращал внимание руководства на важное обстоятельство: «...Трумэн, который как политическая фигура несравненно слабее Рузвельта и который находится в большей степени под влиянием консервативных политических кругов США, чем Рузвельт, не может не предпринять каких-либо шагов в области внешней политики, могущих нанести ущерб союзному сотрудничеству, как и в целом сотрудничеству в международном масштабе. Полной уверенности в том, что Трумэн не пойдет по важнейшим вопросам внешней политики на уступку изоляционистам и реакционерам-антисоветчикам типа Гувера, Ванденберга, Уиллера, Тафта и других, не может быть»¹⁸.

Ближайшие события в апреле–мае 1945 г. подтвердили прогноз советского посла. Новый президент, побуждаемый правыми политическими деятелями США, попытался взять «решительный тон» в отношениях с Советским Союзом. Однако реальное соотношение сил не благоприятствовало замыслам Белого дома. СССР успешно завершил военные действия в Европе, а США все еще воевали с Японией, рассчитывая на помощь Советского Союза. Предстояло урегулирование сложных европейских проблем, где без взаимопонимания с СССР трудно было рассчитывать на успех с учётом того обстоятельства, что Красная Армия стояла в центре Европы. Пришлось дать отбой, направив в конце мая в Москву Г. Гопкинса ближайшего соратника покойного президента Рузвельта, который, как хорошо знали в Вашингтоне, пользовался доверием советского руководства и мог выправить наметившийся крен в советско-американских отношениях.

В ходе этого визита и была достигнута окончательная договоренность о проведении новой конференции руководителей трех держав — СССР, США и Великобритании. Вот что говорится в советской записи беседы о встрече в Кремле, состоявшейся 26 мая 1945 г. между главой Советского правительства и представителем президента Трумэна: «Гопкинс говорит, что по пути на родину Рузвельт много говорил о Крымской конференции и о встрече с маршалом Сталиным. Рузвельт был уверен в возможности сотрудничества между Соединенными Штатами и Советским Союзом в мирное время в такой же степени, как это было во время войны. Рузвельт отзывался с большим уважением о маршале Сталине и заранее радовался следующей встрече после победы над Германией. Он говорил о Берлине как о месте следующей встречи»¹⁹.

Согласование места проведения последней конференции союзников в годы войны не вызвало больших осложнений. Естественно было подвести черту войне в столице поверженного третьего рейха и договориться о сотрудничестве на будущее. Правда, Трумэн в близком кругу высказывал мысль о желательности

приезда Сталина в США, но вовремя отказался от этой тщеславной затеи. «Президент сказал, — говорилось в ходе одного совещания в Белом доме, — что ему не нравился выбор места встречи в Германии, так как он считал, что на этот раз Сталин должен был прибыть к нам, и он имел в виду в качестве возможного места встречи Аляску...»²⁰. Разумеется, дальше обсуждений «в тесном семейном кругу» дело не пошло...

Поскольку Берлин был сильно разрушен в результате бессмысленного сопротивления нацистов в последние дни войны, то выбор пал на расположенный поблизости от него старинный Потсдам. Пока советские военные власти подготавливали для предстоящих переговоров хорошо сохранившийся на окраине Потсдама дворец Цецилиенхоф, в Москве, в Вашингтоне и в Лондоне развернулась активная подготовка к конференции.

Летом 1945 г. в преддверии встречи в Потсдаме отношения между СССР, США и Великобританией заметно улучшились. Сказались результаты переговоров Г. Гопкинса в Москве, проявленное им чувство реализма. Советское правительство высоко оценило возрождение традиций рузвельтовской дипломатии и было готово идти по пути сотрудничества с США. Чувство нескрываемого облегчения испытывали и в Белом доме. В своем дневнике президент Трумэн сделал следующую запись об итогах переговоров в Кремле: «Гопкинс хорошо поработал в Москве... Во всяком случае мы находимся сейчас в лучшем положении с точки зрения мирной конференции, чем раньше».

После переговоров в Москве успешно завершилось формирование Временного польского правительства национального единства, с которым в начале июля 1945 г. США и Великобритания установили дипломатические отношения. При поддержке Советского Союза верх одержала компромиссная формула, учитывавшая интересы сторон расколотого войной польского общества. Между Москвой и Вашингтоном после известной напряженности был согласован вопрос об отводе американских войск из Саксонии и Тюрингии, входивших в советскую зону оккупации. Присутствие там американских войск госдепартамент первоначально намеревался использовать в качестве «рычага давления» на Советский Союз при решении других вопросов. После изрядных колебаний Трумэн все-таки проявил благоразумие и не пошел в этом обоюдоостром вопросе на поводу провокационных подсказок Черчилля. Как отмечал американский дипломат Ч. Болен, «он стремился успокоить Советы и отверг подход Черчилля в духе силовой дипломатии».

26 июня подписанием Устава Организации Объединенных Наций закончилась конференция в Сан-Франциско. Советская дипломатия отстояла решения, принятые в Думбартон-Оксе и в Крыму, и не допустила ослабления ООН на последнем этапе ее создания. В беседе с Иденом, состоявшейся 16 июля 1945 г. в Потсдаме, нарком иностранных дел СССР

отмечал, что «по его мнению, конференция прошла хорошо. Конечно, были трудности и задержки, но было бы невозможно ожидать, что конференция могла бы обойтись без них»²¹.

А дипломатический горизонт заволакивали уже новые тучи, США не желали примириться с революционными преобразованиями в странах Восточной Европы и выпадением власти из рук довоенной элиты. Американские представители в восточноевропейских странах — Барнс Берри, Робертсон, Шенфельд, Штейнгардт, Лейн и другие — в искаженном свете представляли события «на местах», поддерживали тесные связи с непопулярными силами, включая коллаборационистских деятелей, и настойчиво искали пути для реставрации старых порядков. В своих донесениях в Вашингтон они утверждали, что Советский Союз якобы «порвал» с Ялтинскими соглашениями и встал на путь односторонних действий.

В Вашингтоне думали о том, как бы ущемить политические интересы восточноевропейских стран, заставить их отказаться от демократических преобразований и установления добрососедских отношений с Советским Союзом. Особенно сильному нажиму со стороны США подвергались бывшие союзники гитлеровской Германии — Болгария, Румыния и Венгрия. Американская дипломатия отказалась установить с ними дипломатические отношения, как предлагало Советское правительство, и отложила решение этого вопроса до конференции. Со стороны США была также предпринята попытка ущемить права Югославии в отношении территории Истрия — Триест.

Одновременно в Вашингтоне изыскивались новые способы оказания давления на Советский Союз в восточноевропейских делах. На передний план выдвигалась проблема репараций. Не случайно президент Трумэн отказался передать до предстоящей конференции причитающуюся Советскому Союзу часть германского военного и торгового флота. Из-за обструкционистской позиции американского представителя Э. Поули — крупного калифорнийского нефтепромышленника — в созданной ялтинскими решениями репарационной комиссии в Москве проблема репараций зашла в тупик: 37 заседаний комиссии закончились безрезультатно. Один из членов американской делегации отмечал, что первые шаги Поули ясно показали Советам, что в действительности его предложения преследовали цель ревизовать ялтинские договоренности.

Эти и другие проблемы европейского урегулирования, в центре которых находился германский вопрос, и предстояло разрешить на Берлинской (Потсдамской) конференции, проходившей с 17 июля по 2 августа 1945 г. Американские авторы, как правило, изображают эту конференцию эдакой «бесплодной международной встречей», якобы возвестившей начало «холодной войны» и «узаконившей» раскол «великой коалиции». По их мнению, Потсдамская конференция подводила черту межсоюзническому сотрудничеству военных лет,

а не открывала двери в будущее. Это в корне ложная мысль, преследующая цель обосновать тезис о «неизбежности холодной войны». Конечно, встреча в Потсдаме отличалась от предшествующих встреч «большой тройки» в годы войны. Отличалась, прежде всего, по своему духу, настроениям ее участников, атмосфере переговоров и т.д. Не было той степени дружелюбия и доверия, которыми были отмечены переговоры в Тегеране и в Ялте. Об атмосфере «одной большой семьи», используя известные слова Рузвельта, сказанные в Ялте, говорить не приходилось, хотя внешне все обстояло достаточно благополучно.

Причины кроются прежде всего в изменившемся характере международной обстановки после завершения европейской войны, возобладании правых тенденций в политике США и Великобритании, а также в ряде субъективных факторов. Советской дипломатии пришлось иметь дело с новыми западными деятелями. Рузвельта с его широким политическим кругозором, умеющего реально мыслить и самостоятельно принимать решения, не было в живых. Новый президент вел переговоры по шпаргалке, подготовленной госдепартаментом, и, будучи сам сторонником конфронтации с Советским Союзом, больше всего опасался как бы «не уступить чего лишнего». В середине переговоров конференцию покинул Черчилль, потерпевший поражение на выборах и оскорбленный «неблагодарностью» английского народа. Именно в этот момент он произнёс в запальчивости ставшие известными слова: «После войны гигантов началась война пигмеев». Имел ли он в виду одного Клементы Эттли, сменившего его на посту премьер-министра?

К тому же советской дипломатии пришлось столкнуться на конференции с объединенным англо-американским фронтом практически по всем обсуждавшимся вопросам, чего в такой степени раньше не было. Конференция была отмечена жестким дипломатическим торгом со стороны западных союзников. Так, американская делегация широко осуществляла практику «увязывания» различных вопросов, порой не имевших ничего общего между собой, добиваясь для себя максимально выгодных решений за счет интересов партнера.

В подготовленном для президента Трумэна 19 июля военным министром Стимсоном меморандуме «Размышления об основных проблемах, которые стоят перед нами» отвергалась возможность сотрудничества США с Советским Союзом ввиду «фундаментальных различий» в общественных системах двух государств и высказывалась мысль о необходимости коренных «перемен» в советском строе в качестве неперемного условия осуществления такого сотрудничества²². Это было, по существу, возрождение политической философии правящих кругов США периода непризнания Советского государства, от которой в 1933 г. предпочел отказаться президент Рузвельт и которая получила после войны второе рождение в доктрине «сдерживания коммунизма».

И все-таки, несмотря на увеличившиеся сложности в переговорах, неправомерно было бы говорить, как это делают некоторые авторы, что конференция проходила в духе «конфронтации» и «холодной войны». Верно, что соглашение давалось с трудом, но оно все-таки достигалось. Советской дипломатии приходилось затрачивать немалые усилия, проявлять максимум выдержки и терпения, чтобы довести переговоры до благополучного исхода.

Глава советской делегации проявлял неизменное хладнокровие и выдержку, что было отмечено и американской стороной. «В Тегеране, в Ялте и в Потсдаме и в течение 10 дней, когда я видел его во время визита Гопкинса весной 1945 г., — писал в своих воспоминаниях американский дипломат Чарльз Болен, — поведение Сталина было безупречным. Он был терпелив, умел внимательно слушать, всегда спокоен, как выражением лица, так и манерой держаться... Он всегда был вежлив и склонен сдержанно формулировать свои мысли». Добавим, что в Потсдаме это, видимо, давалось особенно нелегко, учитывая участвовавшие посягательства западных партнеров на советские интересы, чему приходилось давать отпор.

Состоявшаяся в ответственный переходный период от войны к миру, Потсдамская конференция впоследствии не случайно подверглась столь грубой фальсификации на Западе. Наряду с ложным толкованием ее общего значения грубо искажаются цели Советского Союза на переговорах. Американские авторы, как правило, сводят их к частным вопросам. Так, Де Сантис, например, утверждает, что Сталин был прежде всего заинтересован в германских репарациях, которые могли существенно облегчить тяжесть послевоенного советского восстановления и предотвратить возрождение мощного германского государства.

На самом деле, как показывает внимательный анализ протоколов заседаний конференции, эта цель не выдвигалась с советской стороны в разряд первоочередных, поскольку Советское правительство не связывало напрямую с проблемой репарации планы восстановления страны или задачу образования миролюбивого германского государства.

Делегация СССР в Потсдаме отстаивала широкие политические цели, связанные как с подведением итогов войны и прежде всего окончательным решением германской проблемы, так и с продолжением процесса создания прочного фундамента послевоенного мира, начатого в Ялте. Как отмечал маршал Г.К. Жуков, «советская делегация прибыла в Потсдам с твердым намерением достигнуть взаимно согласованной политики по урегулированию послевоенных проблем в интересах мира и безопасности народов и создания условий, при которых исключалось бы возрождение германского милитаризма и повторение его агрессии»²³.

Советский Союз рассматривал эту конференцию не как «начало конфронтации» с Западом, а как важный шаг к упрочению послевоенного сотрудничества с западными державами и укреплению на этой основе

международной стабильности. При этом с советской стороны также имелось намерение установить с новым американским президентом столь же доверительные деловые отношения, как и с его предшественником. В том, что этого не удалось достичь, не вина советских руководителей.

Примером того, что Советский Союз продолжал выступать в духе сотрудничества, может служить внимание, проявленное с советской стороны к волнующим США проблемам, и прежде всего к вопросу вступления СССР в войну с Японией. 16 июля, т.е. накануне официального открытия конференции, И. В. Сталин позвонил из Потсдама в штаб советских дальневосточных войск близ Читы, маршалу А. М. Василевскому. Советское командование, точно выполняя принятые в Ялте обязательства, готовилось вступить в войну с Японией. Сталина интересовали ход подготовки операции и возможность переноса сроков наступления на десять дней вперед. Маршал Василевский, командующий советскими войсками на Дальнем Востоке, сославшись на большие организационные трудности, ответил отрицательно и просил не менять первоначальный план. Смирившись с военной необходимостью, Сталин согласился оставить все без изменений. Хотя Верховный Главнокомандующий воздержался от разъяснения мотивов, вызвавших его вопрос, маршал Василевский заключил, что он руководствовался «общими военно-политическими соображениями и сведениями о том, что на конференции американско-английские делегаты вновь будут настаивать на скорейшем вступлении Советского Союза в войну против Японии»²⁴.

Что бы ни писали позднее американские авторы, как бы ни пытались они принизить роль Советского Союза в разгроме милитаристской Японии, остается фактом, что летом 1945 г., даже после испытаний «большой бомбы», как именовали атомное оружие в Вашингтоне, американские руководители продолжали возлагать большие надежды на вступление СССР в войну на Дальнем Востоке. «Было много причин для моей поездки в Потсдам, — отмечал президент Трумэн, — но наиболее важная, на мой взгляд, заключалась в том, чтобы добиться от Сталина личного подтверждения вступления России в войну против Японии, чему придавали исключительное значение наши военные руководители». При первой же встрече с главой советской делегации в Потсдаме Трумэн сказал, что «США ожидают помощи от Советского Союза» в этом вопросе. Получив от И. В. Сталина утвердительный ответ, Трумэн в тот же день записал в своем дневнике: «Конец япошкам, когда это произойдет»²⁵.

Американская дипломатия тщательно готовилась к предстоящей конференции, изучая «слабые места» Советского Союза и запасаясь различными «козырями» против него. Можно сказать, что в Потсдаме США попытались, хотя и безуспешно, вести переговоры «с позиции силы», открывая тем самым эру «атомной дипломатии», политики «атомного шан-

тажа», окрасивших в мрачные тона послевоенные международные отношения. Главная ставка с американской стороны была сделана на приуроченное ко дню открытия Потсдамской конференции испытание нового «сверхоружия» — атомного. Не случайно спустя пять лет после конференции Трумэн окрестил ее «встречей под сенью атомной бомбы».

Несмотря на рекомендации своих ближайших советников, а также предложения Черчилля провести встречу «большой тройки» как можно быстрее, пока американские войска еще занимали в Европе выгодные позиции, президент сознательно тянул с созывом Потсдамской конференции, с нетерпением дожидаясь вестей с базы ВВС в Аламогордо в штате Нью-Мексико, где готовилось к испытанию первое атомное устройство. «Мой папа оттягивал начало работы конференции, потому что он хотел провести ее после того, как будет испытана атомная бомба», — признавала позднее дочь президента Маргарет²⁶.

Однако Потсдамская конференция, несмотря на все подготовительные усилия Белого дома и госдепартамента, пошла не по американскому сценарию. Глава делегации США вынужден был быстро поубавить свою самоуверенность. Это проявилось уже в ходе первой встречи главы Советского правительства с президентом США в день открытия конференции, 17 июля. Трумэн в ходе беседы подчеркнул, что он очень рад встрече с генералиссимусом Сталиным, с которым он хотел бы установить такие же дружественные отношения, какие у генералиссимуса Сталина были с президентом Рузвельтом. На это было сказано, что со стороны Советского правительства имеется полная готовность идти вместе с США». При этом реалистически подчеркивалось, что без трудностей не обойтись и что важнее всего желание найти общий язык.

Проявляя конструктивный подход к рассматриваемым проблемам, советская делегация стремилась на практике «найти общий язык» с партнерами по переговорам. Основная дипломатическая борьба развернулась вокруг будущего европейских народов, в частности по вопросу заключения мирных договоров с Болгарией, Венгрией, Румынией и нормализации их международного положения, проблемы репараций, определения.

Не вдаваясь здесь во все перипетии дипломатических баталий во дворце Цецилиенхоф, справедливости ради следует сказать, что глава американской делегации проявлял более реалистический подход, чем премьер-министр Черчилль, охваченный страхом перед Советским Союзом и желанием восстановить разрушенный войной «баланс сил» в Европе. К этому времени Черчилль — активный застрельщик «холодной войны» — пустил в ход подхваченную им из пропагандистского арсенала нацистов ложь о «железном занавесе», который якобы опустился над европейскими странами в результате продвижения Советской Армии. На переговорах он вел себя непримиримо и воинственно, вступая в полемику по каждому поводу.

Кроме желания использовать к своей выгоде американско-советские разногласия, сказывалось и желание Черчилля оказать влияние на приближающиеся первые послевоенные выборы, которые премьер-министр рассчитывал провести в обстановке военной истерии и нагнетания антисоветских страхов, недооценивая усталость английского народа. В информации из Лондона накануне конференции советский посол Ф. Т. Гусев указывал, что «для Черчилля война является его родной стихией, что в условиях войны он чувствует себя значительно лучше, чем в условиях мирного времени».

Как сообщал в НКВД посол, в ходе состоявшейся с ним беседы премьер-министр вел себя вызывающе и говорил в ультимативном тоне. «Одно из двух, — категорично заявил Черчилль, — или мы сможем договориться о дальнейшем сотрудничестве между тремя странами, или англо-американский единый мир будет противостоять советскому миру и сейчас трудно предвидеть возможные результаты, если события будут развиваться по второму пути»²⁷. Это была программа, как оказалось, на ближайшие полвека. Можно сказать, репетиция будущей Фултонской речи.

Однако американская и английская делегации вынуждены были в конце концов отойти от ранее занятых «жестких» позиций и принять компромиссные решения по наиболее острым вопросам повестки дня. В свою очередь советская делегация добилась защиты национальных интересов восточноевропейских стран ценой отдельных уступок западным партнерам в репарационной проблеме и других вопросах. Маршал Жуков отмечал, что И. В. Сталин был крайне щепетилен в отношении малейших попыток делегаций США и Англии решать вопросы в ущерб Польше, Чехословакии, Венгрии и германскому народу. Советский Союз, принеся народам Центральной и Юго-Восточной Европы освобождение от фашистского порабощения, помогал им занять достойное место в международном сообществе, не забывая при этом и о собственных интересах.

Американская дипломатия, строившая свою тактику с учетом «особой заинтересованности» СССР в решении репарационной проблемы, так и не смогла подняться до понимания подлинных целей советской дипломатии на конференции. На деле Советский Союз отводил германским репарациям более чем скромное место в деле восстановления советской экономики. «Мы потеряли очень много оборудования в этой войне, страшно много, — говорил на заседании 31 июля И. В. Сталин. — Надо хоть одну двадцатую часть возместить»²⁸. Напрасно ожидала на конференции американская делегация обращений с советской стороны за «экономической помощью» к США. В деле восстановления страны, как и в ходе недавнего отпора агрессору, советскому народу пришлось полагаться прежде всего на собственные силы.

Конференция в Потсдаме завершилась историческими решениями, явившимися наглядным под-

тверждением жизненной силы способности великих держав находить пути урегулирования самых сложных; международных проблем не только во время войны, но и в условиях мира. Победа Советского Союза над фашистской Германией была столь убедительной, его международный авторитет столь велик, что правящие круги США и Англии вынуждены были пойти на согласованные решения, которых ждали народы. Это прежде всего и обеспечило успех Потсдамской конференции.

Большое значение для судеб Европы и всего мира имела достигнутая участниками конференции договоренность о том, что «германский милитаризм и нацизм будут искоренены» и что в будущем будут приняты другие меры, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире. Была согласована цель «окончательной реконструкции германской политической жизни на демократической основе».

Что касается вопроса о германских репарациях, то из-за бескомпромиссной позиции, занятой американской и английской делегациями, советская сторона была вынуждена согласиться с получением их главным образом из своей зоны оккупации, хотя это и противоречило согласованной политике отношения к Германии как к единому целому. Так с американской стороны, отмечал американский историк; Д. Ерджин, был сделан «значительный шаг к расколу Германии».

Отстаивая экономические и территориальные интересы СССР, советская делегация добилась решения вопроса о передаче Советскому Союзу трети германского военного и торгового флота, который представители США и Великобритании первоначально пытались использовать для давления на советскую сторону на переговорах. Была достигнута также договоренность о присоединении к СССР Восточной Пруссии с городом Кенигсбергом.

В результате настойчивых усилий советской дипломатии были отвергнуты планы «переустройства» восточноевропейских стран, в частности требования Трумэна о «немедленной реорганизации» правительств Болгарии и Румынии, о проведении контроля со стороны западных держав за выборами в этих странах и т. д. Было принято решение о создании Совета министров иностранных дел (СМИД) с целью подготовки мирных договоров с бывшими союзниками гитлеровской Германии, установления в дальнейшем с ними дипломатических отношений и принятия их в ООН. Это способствовало укреплению позиций новой власти в Болгарии, Румынии и Венгрии.

Важное значение имело окончательное решение на конференции вопроса о западной границе Польши, который западные державы пытались использовать для оказания давления на сформированное совместно с Советским Союзом польское правительство. Руководители США и Великобритании были вынуждены заявить о прекращении признания ими

«эмигрантского правительства в Лондоне» и согласиться с тем, что оно «больше не существует». Так закончилась длительная дипломатическая борьба вокруг польского вопроса, открывшая историю послевоенной Польши..

На конференции не получили поддержки и некоторые другие планы США в отношении европейских государств, проявившиеся в настойчиво выдвигаемой Трумэном идее «интернационализации» судоходства по Дунаю и Рейну. Советская делегация отказалась рассматривать этот вопрос, а тем более включать его в коммюнике конференции.

Выполняя свои союзнические обязательства, Советское военное командование познакомило американских представителей с планами вступления СССР в войну против Японии. Конечно, советской делегации не удалось добиться на конференции всех поставленных целей, направленных на укрепление фундамента послевоенного устройства мира, но общий итог переговоров был, несомненно, благоприятным. «Конференцию можно, пожалуй, назвать удачной»²⁹, — заявил перед ее закрытием глава советской делегации. Удачной она была прежде всего с точки зрения продвижения вперед дела сотрудничества между великими державами в новых условиях мирного времени.

К сожалению, решения Потсдамской конференции не получили развития в дальнейшем, а многие из них оказались невыполненными. Американские и английские руководители не сделали для себя надлежащих выводов из состоявшихся переговоров.

В кругах дипломатии США напряженно думали о том, как бы все-таки заставить русских принять американские требования. Рузвельтовская идея сотрудничества «на равных» с Советским Союзом была окончательно отброшена. Теперь главные надежды связывались с осуществлением «атомной дипломатии». Поэтому, возвращаясь в США на борту крейсера «Огаста», Трумэн с таким восторгом встретил весть об атомных бомбардировках японских городов. В его дневнике появилась такая красноречивая запись: «Это, вероятно, самая ужасная штука, когда-либо изобретенная, но она может оказаться и самой полезной».

Легко догадаться, что «полезность» нового сверхоружия рассматривалась с точки зрения интересов послевоенной внешней политики США. Американский исследователь Р. Мессер в связи с этим пишет: «Единодушным мнением среди всех тех, кто участвовал во внедрении этой качественно новой силы в американскую внешнюю политику, было то, что бомба обещала если и не абсолютное решение и создание базы для «Рах Americana», то по меньшей мере могла явиться средством урегулирования многих проблем послевоенного мира... Безусловно, обладание бомбой немедленно усиливало американскую стратегическую мощь в отношении вооруженного обычным оружием Советского Союза»³⁰.

Усиливающееся стремление США к глобальному доминированию мешало американским руководите-

лям понять, что ядерная монополия США не могла быть длительной в условиях научно-технической революции и что, согласно законам международной политической конкуренции, противоположная сторона никогда не допустит военно-стратегического превосходства над собой.

Решения Потсдамской конференции открывали реальные возможности для продолжения сотрудничества государств — участников антигитлеровской коалиции в мирное время. Этого сотрудничества после завершения кровопролитной войны настоятельно требовали интересы народов, забота о сохранении всеобщего мира. Амбиции поверивших в своё превосходство кругов вступали в глубокое противоречие с настроениями уставшей от войны общественности по обе стороны Атлантики.

Красноречивым подтверждением этого явилось сокрушительное поражение на выборах в Великобритании летом 1945 г. консервативной партии и ее лидера У. Черчилля. В телеграмме из Лондона в НКВД от 27 июля 1945 г. советское посольство сообщало: «Результаты выборов свидетельствуют о том, что большинство английских избирателей отчетливо поняло, что победа консерваторов могла бы привести к войне с СССР... Консерваторы не учли, что народ устал от шестилетней войны и не желает быть вовлеченным в новую, тем более с Советским Союзом»³¹.

В этой связи весьма показательным и свидетельством П. Берлина, президента одного из американских колледжей, получившего в августе 1945 г. назначение на работу в посольство США в Москве. «Война была закончена, — вспоминал он, — Потсдамская конференция не привела к открытому разрыву между победоносными союзниками. Несмотря на мрачные прогнозы в некоторых кругах на Западе, общее настроение в официальном Вашингтоне и Лондоне было осторожно оптимистичным; среди широкой общественности и в печати оно было еще более преисполненным надежд и энтузиазма: Исключительное мужество и тяжелейшие жертвы советских людей в войне против Гитлера породили мощную волну симпатий к их стране, которая во второй половине 1945 г. захлестнула многих критиков советской системы и ее методов; на всех уровнях существовало широкое и горячее стремление к сотрудничеству и взаимопониманию»³².

Итак, достигнутые в Ялте и Потсдаме договоренности вполне могли стать отсчетом нового времени в международных отношениях, основой для продолжения сотрудничества даже столь разных государств как США, СССР и Великобритания — сотрудничества сложившегося в годы войны с фашизмом. Для этого имелись все объективные условия, впрочем, как имелись и не менее сильные аргументы против такого сотрудничества. Вопрос заключался в том, какие тенденции возобладают в послевоенной мировой политике. Соблазн доминирования в мире оказался слишком велик, чтобы от него отказаться во имя гуманных целей.

Перспективы сотрудничества «на равных» противоречили интересам тех кругов на Западе, прежде всего Соединенных Штатов, которые, по законам жанра, стремились реализовать появившиеся в результате продуманной довоенной стратегии геополитические преимущества. В этом контексте, помноженном на отказ другой стороны капитулировать и отказаться от завоёванных тяжелой ценой в ходе Второй мировой войны позиций, не говоря уже о возродившихся идеологических, а, по сути, мессианских программах с той и с другой стороны, «холодная война», похоже, становилась неизбежной как неизбежным, рано или поздно, должен был оканчиваться и её конец.

Оценивая те события с высоты времени и задач сегодняшней практической политики, министр

иностранных дел России С. В. Лавров в приветствии участникам международного форума, посвященного 65-летию Крымской (Ялтинской) конференции, отмечал: «Конференция была одним из знаковых событий периода Второй мировой войны, наглядным примером успешного взаимодействия держав антигитлеровской коалиции. Принятые на ней решения стали важным вкладом в победоносное завершение войны, в течение длительного времени служили основой системы безопасности в Европе и в мире... К сожалению, этот потенциал не был реализован вследствие перехода к политике «холодной войны»... После падения Берлинской стены, положившего конец идеологическому расколу Европы, попытки политизации истории трудно расценить иначе, как стремление провести новые разделительные линии на континенте»³³.

¹ Тегеранская конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сборник документов. М., 1978. С. 90.

² Цит. по А. Ю. Борисов. СССР и США. Союзники в годы войны. 1941–1945. М., 1983. С. 157.

³ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1942–1945 гг. Изд. 2. М., 1978 г. Т. 2., С. 152 (далее: «Переписка...»).

⁴ Adams H. Harry Hopkins. N.Y., 1977, P. 371.

⁵ Переписка..., Т. 2. С. 174

⁶ Roosevelt E. This I Remember. N.Y., 1949. P. 340

⁷ Eden A. The Memoirs of Anthony Eden. Earl of Avon. The Reckoning. Boston. 1965. P. 592.

⁸ Крымская конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). Сборник документов. М., 1984. С. 32.

⁹ Там же., С. 247–248.

¹⁰ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta. 1945. Washington. 1955. P. 65.

¹¹ Крымская конференция... С. 90.

¹² Переписка... т. 2., стр. 199.

¹³ См. подробнее: Jon Meacham. Franklin and Winston. An Intimate Portrait of an Epic Friendship. N.Y. 2003. PP. 313–325.

¹⁴ The Conferences at Malta and Yalta, p. 920.

¹⁵ The Diaries of Alexander Kadogan. Ed. by E. Dilks. N.Y. 1972. P. 706, 708–709.

¹⁶ Washington Despatches. Weekly Political Reports from the British Embassy. 1941–1945. Ed. By H. G. Nickolas. Chicago. 1981, PP. 515, 519.

¹⁷ Цит. по А. Ю. Борисов. Незыблемые договорённости. М., 1985. С. 41.

¹⁸ Советско-американские отношения в период Великой Отечественной войны. Документы и материалы в двух томах. Т. 2. М. 1984. С. 365.

¹⁹ Там же, С. 398.

²⁰ FRUS. The Conference of Berlin. 1945. Vol. 1. Washington. 1960. P. 13/

²¹ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании. Сборник документов. М., 1984. С. 37.

²² The Truman Presidency. Ed. by A. Theotis. N.Y. 1978. P.123.

²³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 1974. С. 412.

²⁴ Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1984. С. 468–469.

²⁵ Off the Record. The Private Papers of Harry S. Truman. Ed. by R. Ferrel. N.Y. 1980, P. 53.

²⁶ Цит. по А. Ю. Борисов. Незыблемые договорённости западной границы Польши и др., С. 50.

²⁷ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. М., 1983, С. 386.

²⁸ Берлинская конференция... С. 236.

²⁹ Там же, С. 280.

³⁰ Messer R. The End of an Alliance. N.Y. 1982. PP. 88–89.

³¹ Советско-английские отношения... Т. 2. С. 416.

³² Berlin I / Personal Impressions. N.Y. 1981. PP. 155–157.

³³ www.mid.ru., 12-02-2010.